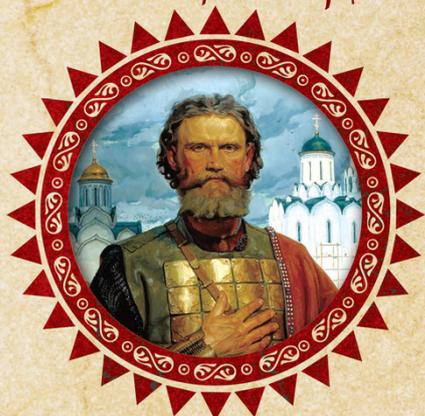

Войны Древней Руси

Валерий Шамбаров

Куликово поле

и другие битвы
Дмитрия
Донского

Валерий Евгеньевич Шамбаров
Куликово поле и другие
битвы Дмитрия Донского
Серия «Войны Древней Руси»

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6696053

Куликово поле и другие битвы Дмитрия Донского: Алгоритм; М.; 2014

ISBN 978-5-4438-0656-3

Аннотация

Переломный момент русской истории – битва на Куликовом поле – в центре сюжета книги известного российского писателя и историка Валерия Шамбарова. На общем историческом фоне автор прослеживает судьбу и самого князя Дмитрия, и Московского княжества, окруженного внешними и внутренними врагами: Ордой, Литвой, Рязанью, Тверью.

Как удалось Москве победить своих врагов, в чем причина того, что именно она стала столицей Русского государства?

Книга уникальна по своей полноте и иллюстративному материалу.

Содержание

КАК В ОРДЕ НАЧАЛАСЬ ЗАМЯТИЯ	4
СВЯТОЙ БЛАГОВЕРНЫЙ ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ ДМИТРИЙ ДОНСКОЙ	9
ЛИТОВЩИНА	17
КАК КНЯЗЬ ДМИТРИЙ ОСТАНОВИЛ ЛИТВУ	25
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Валерий Шамбаров

Куликово поле и другие битвы Дмитрия Донского

КАК В ОРДЕ НАЧАЛАСЬ ЗАМЯТИЯ

Ночь бывает особенно темной и пугающей перед рассветом. Мрак как бы сгущается, становится ощутимым. Предутренний холод проникает до костей. Наползает туман, искажает предметы. В шорохах, криках зверей и птиц, колыбании теней чудится угроза. Кажется, что оттуда, из черных глубин надвигается неясное зло, что оно уже торжествует... На Руси наступал рассвет. Но она еще не знала об этом, она жила как привыкла, по ночным правилам и представлениям.

Люди понимали – князя на Москве по сути не стало. Есть ребенок, которому еще расти и расти. Сидит с серьезным личиком с боярами, силясь понять, что они обсуждают. Его учат, подсказывают, почему ту или иную грамоту надо скрепить княжеской печатью. А кто учит, кто подсказывает? Со времен Калиты главными помощниками московских государей были митрополиты, но святой Алексей все еще томился в киевском застенке. На роль регента выдвинулся не кто иной, как Василий Вельяминов, дядя Дмитрия. О, сейчас он развернулся в полную силу. Казна была в его распоряжении, на ключевые посты можно было назначить своих людей, и какое решение примут бояре, если Вельяминов будет против?

Быстро сориентировался Ольгерд. Литовские набеги посыпались на Тверское княжество. Помощи оно не получило, Вельяминов не считал нужным тратиться на походы, ссориться с Литвой. Зато в Тверь пожаловал митрополит Роман. Местный епископ не признал его, отказался даже встретиться. Но Роману было на это плевать – его признал князь Всеволод Холмский. А литовский митрополит за это по-своему рассудил племянника с дядей. Разумеется, рассудил не так, как святой Алексей. Предъявил Василию Кашинскому ультиматум – отдать Всеволоду треть владений. Как тут возразишь? Пришлось согласиться. Изрядный кусок княжества явно уходил под Литву. Роман мог бы запросить и больше, но Ольгерд предпочитал действовать постепенно. Все-таки не рисковал разозлить Орду. За целое княжество хан кинется воевать, а если потихоньку, может, и не раскачается.

Но в это же время прошла новая встряска в Сарае. Отцеубийство и захват трона Бердибеком понравились далеко не всем татарам. Недовольных возглавил Кульпа, один из родственников хана, – в прошлом перевороте его то ли забыли, то ли не сумели зарезать. Подкараулил подходящий случай, прикончил Бердибека и уселся на его место. По свидетельствам современников, он «много зла сотвори». Переказнил всех, кого считал врагами, сторонники Кульпы разбуянились, убивали, грабили что могли. Ну а русским князьям в подобных случаях требовалось бросать все дела, ехать к новому царю, ублажать подарками, чтобы получить новые ярлыки.

Нарушать обычай никто не осмелился. Засобирались на поклон. Но большинство князей опоздало. Кульпа властвовал всего шесть месяцев, и «много зла» было единственным, что он успел натворить. Его отправил на тот свет Науруз. Орда уже больше ста лет сосала соки из соседних стран, распространяла вокруг себя ужас. Но зло, как и добро, не исчезает бесследно. Оно возвращается к своим истокам, накапливается. Господство над народами баловало и разлагало татар. Теперь отвратительные фонтаны гноя плеснули наружу, разрывая саму Орду. Начиналось то, что русские летописцы окрестили «великой замятней». Если кто-то саблей, ножом или ядом проложил путь на царство, почему нельзя другим? Если кто-то поддержал нового хана и крепко поживился, другим тоже хочется...

Князья, ехавшие к Кульпе, должны были вручать подарки Наурузу. Должны были тщательно скрывать свое удивление, точнее – вообще ничему не удивляться. Улыбаться и унижаться как ни в чем не бывало, раскланиваться с новыми царедворцами, делать вид, будто они рассчитывали увидеть в Сарае именно Науруза и никого иного... Подневольная жизнь и традиции Орды приучили, что вести себя надо только так. Как же можно иначе?

Но из ордынских традиций научились и извлекать выгоду. Новгородцы задумали повторить старый план: пропихнуть в великие князья кого-нибудь из сыновей Константина Суздальского. Они делили отцовское княжество. Старший, Андрей, правил в Нижнем Новгороде, Дмитрий-Фома в Суздале, Борис в Городце. Тихий и благочестивый Андрей наотрез отказался от предложения «золотых поясов», в Сарае он просил лишь подтвердить ярлык на собственный удел. Но Дмитрий-Фома азартно загорелся попытать удачи. Имелся весомый аргумент – у московского Дмитрия до великого княжения еще нос не дорос. Хотя новгородцы и их кандидат позаботились об аргументах не менее весомых, привезли немереное количество денег и рухляди, «вдаде многие дары хану и ханше, и князем ордынским».

А корыстолюбивый Вельяминов поспешил. Не исключено, что он попросту погрел руки на ценностях, предназначенных для хана. Такое за боярином случалось. Но он рассчитывал, что много платить и незачем, великое княжение без того останется за Москвой, надеялся на поддержку давних сарайских друзей. Однако его друзей на месте не оказалось. Кому-то перерезали глотки в сумятице переворотов, толстосумы позапирали дома и лавки, подались на время подальше от опасной столицы – в Хорезм, Тану, Кафу. О том, почему предшествующие ханы опирались на Москву, Науруз и его сообщники не задумывались. Они дорвались до царства и хотели сразу же получить побольше. От кого получили, тому и дали ярлык на великое княжение, – Дмитрию-Фоме.

Насколько же задрал нос суздальский властитель! Стараясь подчеркнуть свое положение, он даже переехал в запустевший Владимир. Впервые за сто лет великий князь поселился в древней столице, показывал всем, что истинное сердце Руси – Суздаль и Владимир, а не какая-то Москва. А тут как раз возвратился митрополит. Три года его продержали в тюрьме, но возмущалось духовенство, протестовал Константинополь. Ольгерд тоже хотел воспользоваться ордынской замятней, взяться за Русь решительнее. Прослыть святотатцем ему было ни к чему, и святого Алексея отпустили.

Дмитрий-Фома очень порадовался этому. Его коронация пройдет как положено, татарский посол возведет его на престол, митрополит благословит. Конечно, святитель переберется в свою официальную резиденцию, во Владимир. Будет, как и раньше, находиться рука об руку с государем. Что ж, святой Алексей не противился, благословил его. Ярлык был выдан царем, а царь – власть от Бога. Но... церемония прошла бледненько. Большинство князей на нее вообще не явились. А митрополит выразил и свое личное отношение к притязаниям Дмитрия-Фомы. Отслужив на коронации, сразу покинул Владимир, удалился в Москву.

Суздальский князь не понимал, что происходит. Он получил ярлык вполне законно, по ордынскому праву, но очутился почти в изоляции. Его осуждали, летописцы указывали, что он занял престол «не по отчине, не по дедине». А дело было в том, что на Руси почиталось не формальное юридическое право, куда выше ставилась правда. Дмитрий-Фома взял верх по праву, но не по правде. Он и хан Науруз легкомысленно сломали порядок, сложившийся вокруг Москвы. А люди успели осознать и ощутить правду этого порядка. Не желали отказываться от нее.

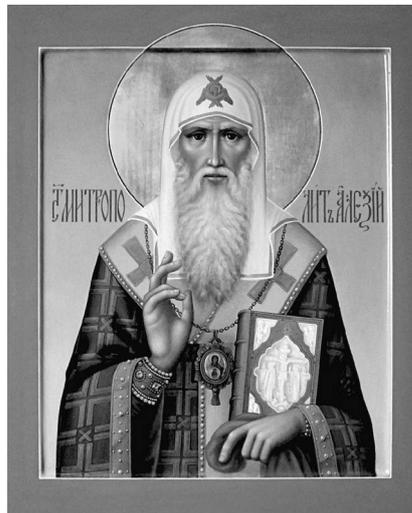
За поддержание московской правды взялся митрополит Алексей. Его появление в Кремле порадовало отнюдь не всех. Но святитель обосновался здесь прочно, переселяться не намеревался. Мальчика Дмитрия он взял под личную опеку, стал воспитывать, обучать княжеской премудрости. Занялся государственными делами, а опыта у него хватало. Спорить со святителем было затруднительно, Вельяминову волей-неволей пришлось потесниться, святой Алексей фактически возглавил правительство.

Но у татар порядок рушился куда круче, чем на Руси. На востоке, за Уралом, раскинулись владения родственников сарайских ханов, Синяя и Белая Орды. Батый в свое время обделил их. Золотая Орда купалась в богатствах, торговала, блистала разросшимися городами. В аральских и сибирских степях таких источников доходов не имелось. Здешные татары даже ислам еще не приняли, многие оставались язычниками. Жили кочевым скотоводством, брали дань с таежных племен, совершали набеги на Среднюю Азию. Сарайским сородичам завидовали, но и презирали их. Считали, что они изнежились и обабились, погрязли в городских удовольствиях и гаремах, преступили заветы великого Чингисхана.

Конечно, Золотая Орда была сильнее, но смуты расшатали ее. В Сарай нагрянул царевич Синей Орды Хидырь со свирепыми восточными степняками. В дикой резне сгнули Науруз с сыном, их царедворцы, жены, наложницы. Кого походя полосовали ножами, кого запихивали в мешки и скидывали в Ахтубу кормить рыбу. Вместе с прочими обитательницами гаремов нашла смерть покровительница святого Алексея Тайдула. Мечети и дома распахнулись выбитыми дверями. Хлюпая сапогами по лужам крови и откидывая пинками трупы, захватчики жадно срывали ковры, взламывали сундуки. Но... трон освободился! А попробовать, как сладко жилось убитым хозяевам, было так соблазнительно! Хидырь въехал в разоренный дворец, его воины занимали оскверненные дома. Сгоняли жителей ремонтировать разрушения, заполняли гаремы недорезанными девушками.

Впрочем, и русские очутились тут как тут. Пример Дмитрия-Фомы и новгородцев, как можно использовать татарские перевороты, вдохновил других желающих. Обнищавшего ростовского князя Константина Калита пригрел, женил на собственной дочери, защищал от соперников. Но он втайне дулся: почему владеет не всем Ростовом, а только половиной, почему должен подчиняться Москве? За заволжский Галич Калита в свое время заплатил дань, спас княжество от ордынских карателей. Тем не менее здешний князь Дмитрий тоже копил обиды – почему его выкупленные земли перешли под власть Москвы? Как только услышали, что в Сарае сменился царь, Константин и Дмитрий помчались к нему. Хидырь в русских делах не разбирался, деньгами был не избалован, брал недорого. Князья просили вроде бы законную собственность, Ростовское и Галичское княжества, хан запросто дал им ярлыки.

Великий князь Дмитрий-Фома против растаскивания государства не возражал. Ему-то что? Не у него отбирают, а у москвичей. Перед Хидырем он постарался выслужиться. В 1360 г. набезобразничали новгородские ушкуйники, пробрались северными реками в Камскую Болгарию, внезапно налетели и разорили второй по величине город Жукотин. Болгары разъярились. Набросились на русских купцов, невольников, ремесленников, находившихся в их стране, перебили тысячи невинных. А хан по болгарской жалобе приказал Дмитрию-Фоме сыскать разбойников.

Св. Алексей митрополит Московский и всея России чудотворец

Тот взялся за поручение основательно. Вместо того чтобы выслать в Новгород крепкую дружину, созвал в Костроме княжеский съезд. Очередной раз силился показать, что он отныне главный. Но со съездом сел в лужу. К нему прибыли лишь братья да Константин Ростовский с Дмитрием Галицким – москвичам напакостили, теперь жались к Суздалю. Остальные удельные князья приглашение проигнорировали. Правда, новгородцы не подставили под удар собственного ставленника, выдали ушкуйников – не всех, а хотя бы мелочь, чтоб великий князь смог отчитаться.

Но пока их везли на суд в Орду, там уже все перетряхнулось. Сокровища Сарая ослепили сына Хидыря, Темир-ходжу. Он умертвил отца, решил сам попользоваться захваченным царством. Хотя пользовался лишь шесть дней. Синеордынцы сцепились друг с другом, а в погромах уцелел темник Мамай. Поднял против пришельцев местных татар и отправил Темир-ходжу вслед за отцом. Но и сам не удержался. Его выступление сплотило синеордынцев, брат Хидыря Амурат призвал из-за Урала свежие силы и выбил Мамай из Сарая.

А между тем московское правительство выжидало, присматривалось. При победе Амурата прочие князья не стали спешить к нему, больно уж шаткой выглядела его власть. Но святой Алексей и кремлевские бояре учли как раз то, что положение хана крайне ненадежное, он будет рад любому, кто его признает. Их послы появились в Сарае раньше всех. Жаловались Амурату на давнего его врага, убитого Науруза, на прежних вельмож – дескать, проходимцы, продали ярлык за мзду. Царю это, конечно, понравилось. Он и сам был аналогичного мнения о прогнившей Золотой Орде. Решил показать, что он-то будет править иначе! Демонстративно поиграл в беспристрастность. Велел держать московского и суздальского послов под охраной, чтобы они не подкупали придворных (точнее, чтобы деньги не утекли мимо ханской казны). А потом рассудил: великое княжение принадлежит Дмитрию Московскому.

Его возраст – не порок. Пока подрастет, у него имеются советники. Причем советники уже доказали, насколько они мудрые, – ведь догадались обратиться к Амурату.

Хотя авторитет нового хана оставался крайне низким. Даже Дмитрий-Фома его не испугался. Когда в Москву прибыл посол Амурата, возводить Дмитрия на великое княжение, суздальский государь отказался уступать. Направил дружину в Переславль, перекрыл дорогу на столичный Владимир. Однако святой Алексей и его правительство предвидели подобные препятствия. Ханский ярлык был у них, а дальше москвичи и сами справились. Поскакали, запылили по дорогам гонцы, собирая рать. Это был первый военный поход двенадцатилетнего Дмитрия. Рядом с ним на конях и в доспехах ехали младшие братики Иван и Владимир. Но под знаменами мальчиков-князей распоряжались взрослые командиры, гарцевали на лошадях и маршировали в колоннах взрослые бородатые ратники, и копыя у них были совсем не игрушечные.

Дмитрий-Фома не ожидал, что соперники решатся применить силу. Не ожидал и того, что у них такая многочисленная армия. Кичился – он во Владимире сидит! А сейчас на жиденские суздальские дружины надвигались москвичи, коломенцы, можайцы, Звенигородцы. Присоединялись удельные князья – те самые, кто не явился на коронацию Дмитрия-Фомы и на его съезд. На жителей великокняжеского Владимира надеяться не приходилось. Они явно симпатизировали московскому государю.

Дмитрий-Фома прикинул соотношение войск, и сражаться ему не захотелось. Спокойно отступить, и то показалось опасным. Он бежал. Проскакал без остановки через Владимир, укрылся в родном Суздале. Но его никто не тронул. Ушел в свой удел, вот и спасибо. Дмитрий Иванович с полками остановился во Владимире. Летом 1362 г. он был провозглашен великим князем всея Руси. И у мальчишки коронация получилась куда более представительной, чем у предшественника. Важный татарин зачитал ханскую грамоту, святой Алексей служил в Успенском соборе, препоясал отрока тяжелым мечом. Собравшиеся князья как были, в походном облачении, целовали крест служить ему. Поздравляли друг друга, будто одолели не такого же мелкого князя, как они сами, а могучего внешнего супостата. Впрочем, эта победа была не менее важной. Они одержали верх над эгоизмом, над собственным разобщением.

СВЯТОЙ БЛАГОВЕРНЫЙ ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ ДМИТРИЙ ДОНСКОЙ

Кремль, построенный Калитой, никогда не бывал в сражениях, но через четверть века выглядел так, будто выдержал серьезную осаду. Известь, покрывавшая стены и башни, обваливалась, из-под нее проглядывала деревянная основа. Она пострадала при пожарах, там и тут была покрыта заплатками. Кое-где бревна разошлись, наружу вываливались камни и земля, которыми были забутованы срубы. Но люди привыкли к своей крепости. Забивали щели бревнами, подмазывали штукатуркой. Какая ни есть, а защита, главное убежище в опасности.

В общем-то, и городом считалось то, что находилось внутри Кремля. Храмы, причудливые резные узоры дворцов, теремов, двory монастырей. Густо лепились дома и дворики поменьше, победнее, втискивались между центральными площадями и обводами стен. Но Москве было уже тесно в крепости. Она выплеснулась в разные стороны посадами, слободами – там и строиться можно было просторнее, и садик разбить пошире да поцветистее, там звенели наковальни кузнецов, крутились гончарные круги, постукивали ткацкие станки.

Покосившиеся громады кремлевских укреплений и посадские улочки спускались к прохладной ряби Москвы-реки. Здесь всегда былолюдно. Москвички полоскали белье, судачили с подругами. В сторонке дымили бани. Между крепостью и рекой раскинулся базар – тут уж у любого глаза разбегались. Выбирай, чего душевьеке угодно. Мечи из лучшего булата, доспехи, заморские ткани, украшения хотя бы и княжне впору. А хлеба, крупы, овощей, фруктов, рыбы столько, что кажется, целому городу за год не съесть.

Дмитрий Донской. Художник В. Маторин

У пристаней колыхались десятки судов. Москва стояла на перекрестке. Если плыть по Яузе, попадешь к Мытищинскому волоку, таможенники проверят товары («мыт» как раз и означало «пошлина»), а местные мужики подработают, перетащат ладью на Клязьму – и отправляйся по ней к Владимиру или еще дальше: на Оку, Волгу, в Камскую Болгарию, Сарай. На Оку и Волгу можно было попасть другой дорогой, спуститься по Москве-реке к

Коломне. А если свернуть с Оки на Проню, через волок суда выходили на Дон. Плыли к Азовскому морю, крымским берегам, в шумные венецианские и генуэзские колонии.

По Москве-реке открывалась и дорога к верховьям, к Можайску. Оттуда через притоки и волоки выводила на Днепр к Смоленску, на Верхнюю Волгу, к Твери. Хочешь – к Киеву плыви, хочешь – перебирайся на Волхов, к Новгороду. А на московском торжище среди русских рубах, сарафанов, платков мелькали чужеземцы. Немец-суконник в мешковатом камзоле, береты и кургузые штанишки итальянцев, халаты бухарцев, хорезмийцев, белокурые литовцы с племенными татуировками, ордынские евреи с завитыми бородами и золотыми обручами на головах.

Но вот среди пестрой толпы прокатывалось, словно порыв ветра: великий князь! Сгибались в почтительном поклоне спины смердов и посадских, блестели любопытством глазки женщин, из-за спин лезли босоногие ребятишки, рассмотреть получше. Хотя картина была знакомой, ее видели чуть ли не каждый день. Стучали копыта по деревянному настилу улиц, в седле сидел худощавый мальчик с открытым светлым лицом, его сопровождали двое-трое дружинников. Он отвечал на приветствия, город был не таким уж большим, юный князь помнил многих подданных. Иноземцы тоже кланялись по обязанности: властитель есть властитель. О том, как и почему склонят головы позже, они еще не подозревали...

Обстановка вокруг Руси резко менялась. Амурат удержался в Сарае, но татарские эмиры и мурзы не признавали его, разбредались с толпами воинов, с семьями, отхватывали независимые области. Появились самозванцы, выдающие себя за детей погибших царей. Держава развалилась. Отпали Камская Болгария, Мордовия, Хорезм. А уж кто в полной мере порадовался переменам, так это Литва. Равновесие в Восточной Европе сломалось, татарские войска рубились друг с другом. Значит, можно было не оглядываться на ханов. Послам германского императора Ольгерд откровенно заявил: «Вся Русь должна принадлежать Литве», – и даже потребовал, чтобы крестоносцы Ливонского ордена отказались от «права на русских».

Три татарских орды откочевали на правый берег Днепра, расположились в степях Буга и Поднестровья, рассылали баскаков по здешним городам. Но в 1363 г. Ольгерд двинул на них литовскую армию. На Синих Водах сокрушил ордынцев, присоединил Подолию. Пройдя до самого Крыма, с налета взял древний Херсонес. Закрепляться тут литовский государь не собирался – слишком далеко. Он лишь наградил себя и воинов сказочной добычей. Литовцы славили Ольгерда, набивая мешки драгоценностями, связывая перепуганных горожан. Ободрали греческие храмы, нагроулили обозы утварью, окладами книг и икон, золочеными крестами. А потом Ольгерд с воинством нагрязнул в Чернигов. Это было поближе, чем Крым, это можно было захватить насовсем. Литовские границы передвинулись за Днепр, на Левобережье.

Византийцы давно уже отдали Херсонес генуэзцам, набег обернулся для них серьезными убытками. Торговая республика озаботилась. Раньше генуэзские и венецианские города подчинялись Золотой Орде. Подносили ханам подарки, приплачивали пошлины, взамен получали надежную защиту. А теперь? Но друг у них нашелся. От Амурата и его синее ордынцев отступил на западный берег Волги темник Мамай. Он не принадлежал к потомству Чингисхана и по татарским законам не мог претендовать на титул хана. Зато у Мамаю были воины, авторитет, голова на плечах. Он подобрал одного из многочисленных царевичей, Авдулу, провозгласил его ханом. Стал руководить от лица марионетки, и татары потянулись к нему.

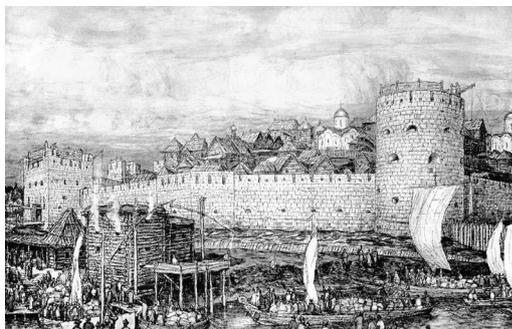
В генуэзской «Хазарии» нашли пристанище давние приятели Мамаю, сарайские купцы. Без труда сумели договориться. Рядом с Кафой торговал венецианский порт Сугдея (Судак). Конкурировал, мешал. Мамай подсобил, выделил отряды, и генуэзцы овладели Сугдеей. Ни о каком подданстве больше речь не шла, темник со своим ханом Авдулой подарил «Хазарии»

полную независимость. За это купцы поддержали их, давали деньги. Мамай получил явное преимущество перед другими татарскими вождями – пленных-то продавали через черноморские порты. Чтобы сбывать «ясырь», надо было подчиниться Мамаю. Он стал хозяином территорий между Днестром и Волгой.

А Москву немало удивил неожиданный визит. Минуло лишь несколько месяцев, как посол Амурата короновал Дмитрия великим князем, и вдруг сообщили – во Владимире государя ожидает еще один татарский посол. Тоже жаждет вручить ему ярлык на великое княжение! Вскоре разобрались, второй посол был от Мамаю и Авдулы. Ничего удивительного на самом деле не произошло. Прислав ярлык, Мамай приглашал русских – ориентируйтесь не на Амурата, а на меня. Что ж, митрополит и бояре взвесили со всех сторон. В распоряжении сарайского хана остались лишь заволжские и уральские степи. Мамаева Орда была ближе, опаснее. Но она была способна и оказать помощь – против литовцев, прочих татарских ханов. Никаких причин для любви к Амурату у москвичей не имелось. Не кум, не сват, за великое княжение содрал немалую сумму. Правительство сделало выбор, приняло второй ярлык.

Но тут же возбудился суздальский Дмитрий-Фома. Увидел шанс обставить соперников. Прежде отказывался выполнять решение сарайского хана, а сейчас вдруг превратился в вернейшего его сторонника. К Амурату помчалась ябеда – Москва изменила, передалась твоему врагу! Хан взбеленился, и недолго думая переиначил приговор. В награду за донос послал ярлык суздальскому князю. Дмитрий-Фома торжествовал. Вон как щелкнул по носу московского несмышленища! Будет знать, с кем тягаться! Не стал терять времени, мгновенно въехал во Владимир. Правда, не забыл и полученного урока, поспешил воспользоваться правами государя, кликнул к себе удельных князей с дружинами.

Однако его триумф обернулся позорнейшей осечкой. На призыв отозвались лишь те, кому единение Руси встало поперек горла, – Константин Ростовский, Дмитрий Галичский и Иван Стародубский. А раздуть усобицу Москва не позволила. Ратники Дмитрия Ивановича исполчились так быстро, что противники не успели собраться. Даже договориться между собой не успели! Дмитрий-Фома величался на престоле всего 12 дней, а к Владимиру уже приближалась московская армия. С Амурата взять было нечего, кроме ярлыков. Чем он мог поддержать своего ставленника? Оставалось повторить недавний и невеселый опыт, удирать. Незадачливый суздальский князь упорхнул в родовой удел. Но московское правительство не желало повторять старый сценарий. Если честолюбивый претендент один раз не образумился, его надо было вразумить покрепче.

Московский Кремль при Дмитрие Донском. Художник А. Васнецов

Войско не остановилось во Владимире, повернуло на Суздаль. На штурм не лезло, осадных орудий не строило. Зачем губить русские жизни и город? Просто окружило Суздаль

и принялось разорять окрестности. Это был общепризнанный способ феодальной войны, не слишком деликатный, но эффективный. Дмитрий-Фома и его бояре схватились за головы, им со стен хорошо было видно, как перетряхивают их деревни. Выручки ждать было неоткуда, даже родной брат князя Андрей Нижегородский осуждал авантюру. Укоризненно написал: «Брате милый, не рек ли я ти, яко не добро татарам верити и на чужая наскакати?..» Миролюбивый Андрей все-таки заступился за Суздальскую землю, просил великого князя пощадить ее.

О том же задумались осажденные. Суздальским боярам абсолютно не улыбалось остаться нищими, и они нажимали на своего господина: надо сдаваться. Но тринадцатилетний Дмитрий первым из московских властителей проявил себя Грозным. Ясное дело, нужную линию поведения ему подсказал святой Алексей. Уж он-то, путешествуя по Руси, насмотрелся раздоров. Искоренять их требовалось решительно. Дмитрия-Фому наказали, выслали из Суздаля в Нижний Новгород под надзор к благоразумному брату. Московские отряды поскакали к его союзникам. Всех лишили уделов, как мятежников, Дмитрия Галичского и Ивана Стародубского отправили туда же, в Нижний, Константина Ростовского сослали в Устюг.

Впрочем, наказали ненадолго, для острастки. Предупредили, чтобы впредь было неповадно. Москва выиграла, мстить было незачем – полезнее налаживать взаимопонимание. С подчинением Мамаю, как выяснилось, угадали. Амурат недолго усидел в ханском дворце, на смену ему вынырнул некий Азиз. Но спокойствие и благополучие в те времена были недостижимой мечтой. В 1364 г. на Русь нагрянуло уже испытанное, но от этого не менее жуткое бедствие. Чума.

На этот раз она не искала окольных путей, приползла с востока с азиатскими купцами. Обнаружилась на рынках Нижнего Новгорода, перекинулась в Коломну, Рязань, Тверь, Смоленск. Собирала обильные жертвы по Москве, Владимиру, Ростову, Переславлю. Нынешний мор оказался изощренным, обманчивым. Он прекращался, и люди облегченно вздыхали, служили благодарственные молебны. Но поветрие накатывалось второй, третьей волной. Сколько жизней оно оборвало, никто не считал. Известно лишь, как поредели княжеские кланы. Не стало Андрея Нижегородского. Легли в могилы защитник Пскова Евстафий Изборский и его дети. Преставился Константин Ростовский с супругой. В Твери упокоились вдовствующая княгиня Настасья, три ее сына, их двоюродный брат Семен. Московский великий князь Дмитрий потерял мать и брата Ивана...

Первыми детскими впечатлениями государя были похоронный плач и траур, в юные годы все повторялось. Но удары не надломили его душу. Наоборот, выковывали характер. Разве Господь не показывал воочию, насколько суетны интриги и корысти? Года не прошло, как князь Константин бунтовал, мечтал урвать в собственность Ростовский удел. Нужен ли сейчас этот удел усопшему? А как грызлись с родственниками Настасья Тверская и Всеволод Холмский! Но смерть смахнула одним махом Настасью, Всеволода, двух его братьев. Что толку было в их ненависти, хитростях, подсиживаниях?..

Князь вырос очень набожным. Он ежедневно бывал в храме у обедни, не пропускал никогда. В посты каждую неделю причащался Святых Таин. Под княжеским платьем, на голом теле, носил грубую монашескую власяницу. Уж кто из княжеских и боярских детей не разохотился попробовать себя с податливой девкой-холопкой? Это не считалось серьезным грехом, духовники юношей понимали: играет кровь да любопытство. А Дмитрий даже во взрослых летах поражал окружающих чистейшим целомудрием, почти девичьей стыдливостью. Но он был великим князем, и святой Алексей учил, что для него недостаточно угождать Господу обычными человеческими добродетелями. Он обязан блюсти вверенную ему Богом землю. За каждый шаг государю предстоит ответить перед престолом Всевышнего. Смотри – где польза, а где вред, что допустимо, а что нет, где карать, а где миловать.

Катившиеся одно за другим убийственные поветрия повлияли не только на Дмитрия. В полувымерших городах и селах взросло новое поколение. Молодая поросль среди поредевшего, изломанного бурями леса. Оно во многом отличалось от предшественников. Было более упорным, энергичным, трудолюбивым – иначе можно ли было выжить, обустроиться заново? Это поколение глубже обращалось к вере, было более смелым и самоотверженным. Много ли значат земные блага и сама жизнь? Сколько людей вокруг берегли их, но разве убергли? Уцелевшие русские становились более сплоченными, близкими друг другу. Кормили сирот, брали на воспитание. Исследователи предполагают, что именно тогда в русский язык вошло обращение ребятишек к чужим старшим – дядя и тетя, как к родственникам [50].

А у государя самым близким в семье остался двоюродный брат Владимир Андреевич. Двое сирот сдружились, были заодно во всех делах. Если двое рука об руку и спина к спине, попробуй-ка одолей их! По совету святого Алексея они заключили договор. Владимир обязался уважать Дмитрия «как отца», безоговорочно повиноваться ему. Дмитрий целовал крест, что всегда будет Владимира «любить, как меньшего брата». Повыбило, покосило княжеский род, а он сохранился, в лице двух юношей отныне существовала целая семья: как бы отец, сын, братья.

Увы, даже катастрофы не смогли вытравить хищные повадки, укоренившиеся в сознании. Чума свела в могилу Андрея Нижегородского, а у него остались братья, суздальский Дмитрий-Фома и Борис Городецкий. По праву Нижний Новгород должен был перейти к Дмитрию-Фоме. Он был гораздо больше и богаче Суздаля, там княжили старшие. Но младший ринулся во все тяжкие. Резво сгонял послов к новому сарайскому хану Азизу, выхлопотал ярлык на Нижний Новгород для себя. Но и для брата подсуетился, добыл ему... третий ярлык на великое княжение Владимирское! Пускай берет себе столицу, бодается за нее с Москвой, а он, Борис, станет хозяйничать на Волге.

Дмитрий-Фома оторопел. За журавля в небе брат хапнул у него из-под носа лучший кусок собственного княжества. Осрамиться в третий раз суздальского князя нисколько не тянуло. Ханского ярлыка он не принял. Но Борис лишь пожал плечами:

– Принимаешь или нет, твое дело, а Нижний отныне мой.

Уходить из города не собирался, приказал строить новые стены – каменные. Выгони, если посмеешь!

Хочешь или не хочешь, а Дмитрий-Фома преступил гордыню, обратился в Москву. Писал, что подачки Азиза ему не нужны, великое княжение он уступает Дмитрию Ивановичу. Но очень просит рассудить его с Борисом. Государь и святитель Алексей не отказались. Покорность вчерашнего соперника была похвальной, как не взять его под защиту? А поощрять разбойничьи замашки его брата было нельзя. Сегодня Нижний утащил, а завтра? Митрополит решил воздействовать на любителя чужих уделов пастырским увещанием. Снарядил в Нижний архимандрита Павла с игуменом Герасимом, велел подключиться суздальскому епископу.

остатка» – как-нибудь справимся. На это были умелые руки. Князь не оставлял подданных заботой, помогал чем мог. Стучали топоры, скрипели бревна в бескрайних лесах, и стертые с лица земли города воскресали из пепла и слез такими же красивыми, как были.

Свадьбу Дмитрия и Евдокии пришлось играть в Коломне, втором по значению великокняжеском городе. Но государь и святой Алексей задумали даже из пожара извлечь кое-что полезное. От огня опять досталось стенам Кремля – прогорели, осыпались. Посоветовавшись с митрополитом и боярами, Дмитрий распорядился не ремонтировать крепость. Доламы-вать ее и строить новую, каменную. Когда-то на Руси возводились первоклассные твердыни. Мощные каменные стены прикрывали Киев, Владимир, другие крупные города. Но после татарского завоевания их строили только на Северо-Западе, в Новгороде, Пскове, Изборске. Там и деньги лишние водились, и опытные мастера имелись. Князь Борис замышлял огородить Нижний, да не успел.

А чем Москва хуже? Столица, а крепость – взглянуть стыдно. Если враг нахлынет, сколько продержатся инвалидные укрепления? Хотя стыдиться, в общем-то, было нечего. До сих пор Москва просто не могла себе позволить каменных стен. В камне возводилось самое основное – храмы. Крепость обошлась бы слишком дорого, и Орда за столь капитальное строительство по головке не погладила бы. Баскаки и татарские гости сразу донесут хану, он потребует объяснений. От кого огораживаешься? Что замышляешь? Опять же, каменная крепость показывала, что у Москвы появились немалые деньги. С татарской точки зрения, это означало – пора повысить дань...

Но сейчас на Орду можно было не озира́ться. Крепость наметили пошире, чем старая. Пригласили псковских специалистов, а возводить начали быстро. Не с какого-то одного места, а сразу по всему периметру. Каждый день только на подвозку камня наряжали до 4,5 тысяч саней. Распределили участки между боярами, на стройке трудилась почти вся Москва. Кто рыл канавы под фундаменты, кто подтаскивал камень, кто помогал мастерам, по их указаниям замешивал известь, укладывал и равнял тяжелые блоки. Трудились не за страх, а за совесть. Свое, родное. Наше! Общая красота, общая защита. Спешили? Да, спешили. Никто же не знал, сколько мирного времени отпущено. Надолго ли удалось избавиться от ханской опеки?

Белокаменные забрала святого Дмитрия даже в сравнение не шли с тем Кремлем, каким привыкли его представлять мы с вами. Они были гораздо меньше, ниже. По обводу – около 2 км, высота – в два человеческих роста. Но для XIV столетия крепость получилась солидной. Она получилась и весьма своевременной. Как уж правильнее это назвать – предчувствиями великого князя и святого Алексея? Мудрыми политическими расчетами? Решившись строить новый Кремль, они использовали *последние два года* сорокалетней «великой тишины»...

Русские войны XIV в.

ЛИТОВЩИНА

Русские витязи мчались в атаку. Распаленные, торжествующие. А впереди, гортанно перекрикиваясь, лихорадочно нахлестывая лошадей, улепетывали они! Татары! Свистели мечи, рассекая пригнувшиеся, напряженно съезженные спины, вылетали вдогон смертоносные стрелы... Да, наступали новые времена. Русские расправляли плечи, незваных гостей стали наказывать. В Мордовии устроился мурза Тагай, отделившийся от Сарая. Ему показалось вполне справедливым подчинить ближайшее, Рязанское княжество, компенсировать имущество, потерянное в замятие. Нагрязнул с воинством, захватил и спалил Рязань. Но Олег Рязанский быстро собрал ратников. Владимир Пронский враждовал с ним, однако сейчас было не время сводить счеты, привел дружину. Прискакал на помощь Тит Козельский. Настигли татар, схватились с ними и опрокинули, отобрали пленных и всю добычу.

В Камской Болгарии обосновался другой мурза, Булат-Темир. Он повадился грабить окрестности Городца, Нижнего Новгорода. Тут-то и выяснилось, насколько полезен мир между братьями Дмитрием-Фомой и Борисом Городецким. Дружно встретили хищников, гнали до реки Пьяны, кого порубили, кто потонул, пытаясь удрать. Москва пока не вступала в эти мелкие войны. Она признавала над собой владычество Мамаю и его хана Авдулы, но... дань платить прекратила. Совсем. Ханов стало много, ну и выясняйте, кто из вас законный, а нам не к спеху, подождем. Дмитрий Иванович по-прежнему собирал с подданных «ордынский выход», а расходовал его по собственному усмотрению. Как раз отсюда и средства появились, можно было отстроить белокаменный Кремль. Чего-то нечестного в этом не видели. Раньше-то хан должен был защищать своих вассалов. А нынче? Великий князь, больше никому. Строительство крепостей и умножение войска шло на общую пользу, для всего народа.

Подданным требовался и порядок. За этим тоже надо было следить уже не хану, а великому князю. Например, новгородцы во главе с Алексеем Обакуновичем предприняли большой поход за Урал. Преодолели невероятные трудности, достигли Оби, в нескольких стычках покорили местные племена, взяли с них дань мехами и «закамским» серебром. Но многим показалось, что погуляли еще недостаточно, да и добычи неплохо бы добавить. На обратном пути от войска отделились 150 лодок, наскочили на Нижний Новгород. Погромили базары, обчистили восточных купцов. Жалобы посыпались в Москву. На этот раз новгородцы спорить не стали. Стоило лишь вмешаться Дмитрию Ивановичу, как они вернули награбленное, уплатили в казну штраф за разбой.

А порядок и правда сами по себе немало значили. В московские владения переселялись люди из мелких княжеств, где не было ни настоящей власти, ни защиты. Перебирались из земель, завоеванных литовцами. Русское государство прирастало еще не территориями – но прирастало жителями. Причем неплохими жителями, самыми трудолюбивыми, упорными, самыми верными православию. Кто же еще бросит насиженные места, отправится устраиваться заново за тридевять земель? Приезжали и воины. С Волыни привел дружину один из князей, не пожелавший подчиняться Ольгерду, Дмитрий Боброк. С Брянщины прибыли бояре Пересвет и Ослябя.

Приезжали и татары из разодравшейся Орды. Какая там жизнь, если брат режет брата? Москва была верна традициям святого Даниила и Калиты, принимала всех. А татары – ну что ж татары? Такие же люди. Только вера разная. Но ислам в Орде так и не утвердился до конца, перемешался с язычеством, шаманством. А на Руси татары приобщались к нашей вере. Интересовались, спрашивали, проникались уважением, а потом и принимали крещение. Принимали – и превращались в русских. Так уж повелось, что русскими становились не по крови, а по вере...

Хотя бывало и иначе. Происхождение самое что ни на есть русское, вера одна, а до братства было далековато! Очередной опасный узел завязался в Твери. Из семейства княгини Настасьи, из четверых ее сыновей, чума обошла лишь одного, Михаила, властителя городка Микулина. Но он оказался не менее склочным, чем его мать и братья – да еще и вместе взятые. Князь не забыл уроков матери: он был потомком великих князей Владимировских и по отцу, и по деду. Внук мученика Михаила Тверского! Остался единственным из сыновей Александра Тверского! Кто, как не он, должен править в Твери? А сестра Ульяна была женой Ольгерда, это что-нибудь значило! Князь нередко гостил в Литве, шурина его ободрял, обнадеживал.

В Твери по-прежнему сидел дядя, Василий Кашинский. Михаил его презирал. Считал, что он изменил своему роду, стал прихлебателем Москвы. У микулинского князя было немало сторонников среди тверских бояр, дружинников. Мечтали, что он-то возвратит Твери былую славу, вознесет ее, утрет нос москвичам. Силенок недостаточно? Надорвались тверские князья? Но теперь-то Литва поможет. Она не отказывалась. Наведывались посланцы Ольгерда, привозили серебришко. Росло недоброжелательство к князю Василию. Он чувствовал себя настолько неуютно в собственной столице, что старался приезжать в нее пореже, жил у себя в Кашине. А Михаил кроме Микулина принялся строить новую резиденцию, Старицу, поближе к Твери.

Конфликт дяди и племянника разгорелся из-за крошечного удельчика. Чума унесла еще одного князя тверского дома, Семена Константиновича, ему принадлежал городок Вертязин (ныне Городня). У покойного Семена был брат Еремей, по русскому праву наследство должно было отойти к нему. Но большинство бояр и тверской епископ стояли за Михаилом. Уговорили умирающего Семена завещать Вертязин ему. Василий Кашинский пробовал заступиться за Еремея, но сладить со знатью не смог. Впрочем, было уже ясно, что Вертязин – лишь предлог. Он располагался совсем рядышком с Тверью, а бояре и епископ по сути взбунтовались, дружно выступили против своего князя.

Напуганный Василий с обиженным Еремеем покатали в Москву. Обратились к митрополиту, к Дмитрию Ивановичу. Святой Алексей отменил решение тверского владыки, пересудил по закону – передал спорный удел Еремееву, государь тоже признал его права. Василий Кашинский воспрянул духом – с эдакой поддержкой он ощутил себя все-таки князем, а не тряпкой. Вернувшись в Тверь, разобрался с крамольниками, одних оштрафовал, у других конфисковал имущество, велел разграбить дворы.

Но пока они с Еремеем путешествовали, Михаил захватил Вертязин и посадил там свою дружину. Его воины отказались выполнять приговор митрополита, заперли ворота. Василию Кашинскому даже маленькая крепостишка была не по силам, попросил помощи у Дмитрия Ивановича. Тот откликнулся, прислал московский и волоколамский полки. Хотя до кровопролития не дошло. Обнаружилось, что Михаила в городе нет, куда-то скрылся. А что толку штурмовать Вертязин? В конце концов, куда он денется? Постояли, перекрикиваясь с осажденными, да и разошлись по домам.

Темник Мамай

Но Михаил отнюдь не исчез, не прятался. Он поскакал в Литву. Ольгерд был доволен. Заварушка разыгралась в самое подходящее время. Русские вздохнули полной грудью – освободились от татар! Но в лице татар они лишились пастухов, не позволявших посторонним резать и стричь своих овец. Литовский государь прикидывал, что и в какой последовательности скушать. За Черниговом он покорил Новгород-Северский, Трубчевск, Путивль, Курск. Дальше лежало лоскутное одеяло мелких «верховских» княжеств на Десне и в верховьях Оки. А Тверь сама плыла в руки! И только ли Тверь? Михаил – законный претендент на золотой престол Владимирский. Перетряхнуть Москву, посадить родственника вместо Дмитрия, и Северная Русь посыплется под литовское владычество!

Соглядатаи сообщили из Твери: князь Василий укатил к себе в Кашин. Очень хорошо! В октябре 1367 г. Михаил явился с литовской ратью. Заговорщики его ждали, впустили в столицу княжества. Потом двинулись на Кашин, обложили город. Василий был ошеломлен подобным поворотом, оробел. Его заставили отречься от Твери, а Еремей от Вертязина, целовать крест на верность Михаилу. Однако присяга, принесенная под угрозой, была недействительной, это знал любой князь и любой священник. Как только литовская конница подалась на родину, Еремей объявил, что снимает с себя крестное целование. Выехал в Москву и подал жалобу.

Смириться с переворотом? Бросить друзей в беде? Это было бы нечестно и совсем не полезно с политической точки зрения. Воевать? Но Михаил продемонстрировал: за ним стоит Литва. Великий князь и митрополит нашли выход. Взяли на себя роль посредников, чтобы стороны договорились полюбовно. Пригласили Михаила на третейский суд «на миру по правде» – то есть публично, перед духовенством, собранием московских и тверских бояр, представителями городов. При всех, «на миру», как раз и откроется, чья она, правда. Глядишь, и совесть заговорит...

Отказаться – значило бросить вызов не только государю, но и церкви. Михаил не решился на такой шаг, приехал. Однако суд «на миру» он не выдержал. Да и как тут выдержишь? Его действия выглядели слишком вопиющими – грубо попрал приговор митрополита, призвал чужеземцев, отнял престол у дяди. А каяться и возвращать приобретения князь не желал. На обвинения он мог отвечать лишь одним способом, встречными обвинениями и бранью. Тверские летописцы, симпатизирующие Михаилу и враждебные Москве, стыдливо замолчали его речи. Но результат известен. Князя в порыве озлобления настолько занесло, он вывернул такую порцию грязи и угроз, что Дмитрий Иванович и святой Алексей пресекали его излияния. Велели взять под стражу и Михаила, и его бояр-советников.

В темницу не сажали, устроили вполне прилично, по частным домам. Тем не менее свободы лишили. Пускай остынут, одумаются. Может, и остыли бы. Но совершенно некстати в Москву прибыли трое послов от Мамаю. Повелитель Причерноморья был недоволен Дмитрием – на поклон не ездит, дани не возит. Послы узнали про скандал с Михаилом и расценили случившееся как самоуправство. Тверь не подчинялась Москве, сносилась с ханами независимо от нее. Татары потребовали освободить арестованных. Дескать, Дмитрий превысил свою власть, с тверскими тяжбами царь разберется сам.

Но и Михаилу надоело сидеть в чужом доме. Крепя сердце он начал в чем-то уступать, согласился вернуть князю Еремею его наследство. В итоге склеился хоть какой-то компромисс. Михаил уезжал домой в статусе великого князя Тверского, Еремей – владельца Вертязина. Но на самом-то деле компромисс выглядел слишком шатким. Доверять Михаилу не было никаких оснований, а Еремей теперь просто боялся. Каково ему сидеть под боком у Твери, у своего врага? Объявил Дмитрию Ивановичу, что отдается под его покровительство, вместе с князем в Вертязин отправили московского наместника.

Эти страхи оправдались очень быстро. Михаил Александрович был разъярен арестом, жаждал отомстить. А на ком было отыграться, как не на ближайших соседях? Еремей в выигрыше оказался? Еще и Москва зацепилась в его княжестве, в Вертязине? Вот вам выигрыш, вот вам Вертязин! Налетел на городок, побил московских людей, повязал Еремею. Вызов был брошен самому Дмитрию, и спускать безобразия он не стал. В 1368 г. его полки зашагали к Твери. Нет, с полками встречаться Михаил не захотел. Несколько разные вещи – горстка слуг в Вертязине или серьезная рать. Напроказивший князь что есть сил полетел по накатанной дорожке, в Литву. Тверь без него обороняться не стала, открыла ворота. Да что толку? Старый Василий Кашинский нервных встрясок не перенес, преставился. Его сын и Еремей никаким авторитетом не пользовались. Даже на престол посадить оказалось некого.

Зато Ольгерд потирал руки. Не напрасно подстрекал Михаила, не напрасно задирали Москву. Сейчас предлог был изумительным, почва подготовленной. Пора и Литве сказать решающее слово! Собирались несметные силы, полки самого Ольгерда, его брата Кейстута, сыновей Андрея Полоцкого, Дмитрия Брянского, племянника Витовта, по приказу Ольгерда присоединился Святослав Смоленский. В чем в чем, а в воинском искусстве литовский государь не знал равных. Тайну и внезапность он ставил превыше всего. Его бойцы никогда не знали до последнего момента, куда их бросят. С кем предстоит сражаться? С татарами, с немцами?

В ноябре, когда подмерзла грязь на дорогах, команда прозвучала. С разных направлений литовские полчища ринулись на Русь. Точнее, литовским было только ядро, основную часть воинства составляли русские. Шли громить русских. Но в XIV в. об этом не вспоминали. Какие еще русские? Смоляне, брянцы, полочане шли губить, насиловать и грабить москвичей. Слава Ольгерду, подарившему возможность пожить! Попутно, между делом, рать захватила Стародубское и Оболенское княжества. Они отчаянно оборонялись, но им ли было противиться? Дружины смели, князей убили, их опустошенные земли стали литовскими.

Враги хлынули на московскую землю, к Можайску. Но город стоял на горе, жители успели полить склоны водой. Запели стаи стрел, сшибая неприятелей, ползших по ледяной круче. А Ольгерд оценил ситуацию и распорядился не задерживаться. Зачем нести потери у какого-то Можайска? Не терять времени, двигаться к Москве. Там будет и победа всей войны, и роскошная добыча. Великому князю Дмитрию исполнилось всего 17 лет. Если не считать походов против Дмитрия-Фомы, он еще ни разу по-настоящему не воевал, растерялся. Не знал, что правильнее предпринять. Засесть в Москве? Выступить навстречу? Да, у него был мудрый советник, святитель Алексей – но не в военных вопросах. Государь спешил, хватался за первые попавшиеся решения. Едва к нему прибыли отряды из Дмитрова

и Коломны, присоединил их к столичному полку, отправил перекрыть дорогу неприятелям. Это было ошибкой. Возле Рузы литовская лавина раздавила небольшой корпус, погибли оба воеводы, Дмитрий Минин и Акинф Шуба.

Великий князь литовский Ольгерд. Воображаемый портрет XVI в.

Ольгерд велел пытатель пленных, выяснить, где Дмитрий, есть ли у него другая рать? Вражеская армия с разгона выплеснулась к Москве. Выплеснулась и... осеклась. Опоздали. На год опоздали. Перед литовцами высились новенькие стены каменного Кремля. Они-то соображали в военном деле, с одного взгляда было ясно: орешек крепенький, с налета не раскусишь. А к великому князю подоспела подмога из других городов, вооружились московские ремесленники, купцы. Посады сожгли, собственными руками уничтожили родные дома и дворы, зато неприятелям было негде укрыться от холода, набрать готовых бревен для лестниц, осадных машин, приметов. По стенам изготовились защитники, разложили дрова под котлами – кипятить воду и смолу, поливать атакующих...

Ольгерд объехал укрепления с разных сторон. Пришел к выводу, что штурм обойдется слишком дорого. Его войско простояло четыре дня, а зима уже вступала в свои права, морозы крепчали. Вокруг города не осталось ни одной избы, ни одной деревеньки, где можно было бы устроиться, обогреться. Поразмыслив, литовский властитель махнул рукой – ладно, и без того всыпали Москве по первое число. Небось призадумается, как вести себя на будущее. Ольгерд приказал поворачивать к границам. А чтобы москвичи покрепче усвоили урок, распустил армию по отрядам, на обратном пути они как следует прочесали владения Дмитрия Ивановича.

«Литовщина», оборвавшая «великую тишину», по жестокости и размаху не уступала самым опустошительным татарским нашествиям. Западная часть Московского княжества покрывалась пятнами смрадной гари на местах вчерашних сел и деревень. Пойманных людей убивали или угоняли, тысячи мужиков, баб, детей под понукания на русском и литовском языках брели на чужбину. Вязли в сугробах, замерзали, пройденные версты чернели пунктирами окоченевших трупов. Девки помоложе и поядренее могли считать, что им повезло. Новый хозяин подсадит на телегу с награбленным барахлом, покормит. Конечно, после того, как потешится. Вместе с крестьянами гнали скотину. А все, что не могли утащить или увести, уничтожали, предавали огню.

Михаил Тверской и себя не забыл. Дружина у него была не ахти какая, но нагребли добра и пленных, сколько удалось. Ольгерд благосклонно разрешал – берите, не жалко. Умилительно распрощавшись с могущественным шурином, князь торжественно въехал в Тверь. Он добился своего, расплатился с москвичами за позор предков. Неужто Дмитрий после

подобной взбучки посмеет тронуть его? Пускай благодарит Бога, что удержался великим князем Владимирским. Пока удержался, а дальше Ольгерд еще разок подсобит, и посмотрим, удержится ли.

Известия о разгроме Московской земли растекались во все стороны. Зашептались новгородские «золотые пояса». Не пора ли отделяться от великого князя, пристраиваться к Литве? А Ливонский орден не стал даже уточнять, что творится на Руси. Зачем терять время? Новгород очередной раз был в ссоре с Псковом, а выручать их сейчас было некому. На коней сели сам великий магистр Вильгельм Фраймерзен, дерптский епископ Фромгольд, повели крестоносцев на Псков. Брат мощную крепость все-таки не отважились, разорили и сожгли пригороды, распотрошили села, усадьбы, погосты.

Но Москву слишком рано списали со счетов. Да, она понесла колоссальный урон. От такого оправился бы далеко не каждый и не скоро. Однако сказались усилия нескольких поколений великих князей по сплочению Руси. Княжество было испоганено и вытоптано, но потянулись обозы с продовольствием из Владимира, Суздаля, Ростова, Нижнего Новгорода. Везли собранные подати, хлеб, гнали коров, овец, лошадей. Горожане и спасшиеся по лесам крестьяне получали льготы, денежные ссуды. Заново отстраивались московские посады, деревни. Дружины пополнялись воинами взамен погибших.

Государь обсуждал с боярами, с чего начать, на что нацелить усилия в первую очередь. Причем решение было отнюдь не таким, как представлялось врагам Руси. Дмитрий Иванович и святитель Алексей настояли – сейчас важнее всего помочь псковичам и новгородцам! Крепить то же самое сплочение и единение! Это было совершенно неожиданно, непонятно, нелогично. Москва, только что разбитая и униженная, протягивала руку другим! Правда, государю было полезнее остаться в столице, руководить восстановлением хозяйства, присматривать за литовцами и тверичами. Но брату Владимиру исполнилось 15. Считай, мужчина. Его и поставили во главе войска, послали на запад.

Разумеется, с ним поехали толковые воеводы, подсказывали, поучали, зато он был знаменем, фигурой самого высокого ранга. Новгородцы и псковичи встречали его с великой радостью, плакали в порыве благодарности. Как худо, как тяжело досталось великому князю, а ведь не бросил в беде! Прислал брата, воинов! Ну а для немцев московская подмога стала весьма неприятным сюрпризом. Приходилось взвесить, имеет ли смысл продолжать войну. Эх, какими заманчивыми выглядели русские города! Так не хотелось расставаться с радужными мечтами. Магистр с епископом попробовали еще повоевать, подступили к Изборску. Но Владимир Андреевич и его бояре успели помирить новгородцев с псковичами, их отряды выступили спасать осажденных, и рыцари предпочли отступить.

Брат государя провел на границе полгода, объехал крепости, налаживая оборону, и ливонцы притихли. Летом 1369 г. Дмитрий вызвал его в Москву. Здесь тоже развернулись крупные военные приготовления. Неприятелям решили показать: поджимать хвост перед Ольгердом Русь не намеревается. Сама Литва была еще не по плечу великому князю, но две рати выступили наказать ее вассалов и союзников, одна на Смоленщину, вторая на Брянщину. Резали, жгли, грабили в московских владениях? Не обессудьте, долг платежом красен. Платили той же монетой. Красного петуха подпускали? Вот он, вернулся к вам. Чужое добро увозили? Прощайтесь со своим. Полон забирали? Идите-ка сами потрудитесь на нашей земле.

Михаил Тверской занервничал. Нетрудно было понять, кто на очереди. У него и в собственном княжестве было неладно. Митрополиту шли жалобы на несправедные суды, на тверского епископа – что он обижает и притесняет тех, кого считают друзьями Москвы. Михаил взялся спешно возводить вокруг Твери новые дубовые стены, но не особо на них надеялся. Отправил своего епископа к Дмитрию Ивановичу, предложил «любовь крепить». Это выглядело настолько глупо и неуместно, что в Москве посланца чуть на смех не под-

няли. От святого Алексия епископ получил крутую выволочку. Выслушал, как он нарушил долг пастыря, поддерживал раздоры, потакал литовским интригам – с тем и уехал. А вслед за ним к Михаилу явились послы великого князя. Дмитрий уточнял, что между ними не то что любви, а вообще нет мира.

Большая печать великого князя Литовского Витовта

Но когда по тверским дорогам заколыхались копыта московских ратников, повторилась прошлогодняя история. Михаил на самых быстрых конях умчался в Литву, его города сдавались. И что делать с княжеством без князя? А поздней осенью посыпались донесения с западных рубежей – опять валит Ольгерд со всей армией. «И поплени людей бесчисленно, и в полон поведе, и скотину всю с собой отогнаша», «и все богатство их взя, и пусто сотвори». Впрочем, повторялось не все. На этот раз у москвичей оказалась налаженная пограничная стража. Вовремя летели предупреждения. Большинство крестьян успело попрятать пожитки, укрыться по городам или лесам, в крепостях врага ждали сильные гарнизоны.

Ольгерд попытался с ходу захватить Волок Ламский, но городской полк встретил атаку вылазкой. В жестокой рубке сложил голову московский воевода Василий Березуйский, но литовцев сбросили с моста, отогнали от стен. Три дня провозились они с городом, а успеха не добились. Возиться дольше Ольгерд счел бессмысленным. И без того его планы были скомканы. Внезапности не достигли, время потеряли. Как и в прошлом году, приказал идти прямо на Москву. Но и промахи Дмитрия Ивановича не повторились. Он больше не высылал наспех собранных ратей. Его рати засели в столице. Густо поблескивали доспехами на стенах и башнях, только что отстроенные посады опять были сожжены, и попробуй-ка сунься.

Ольгерд не сунулся. Стоял у Кремля восемь дней. Размышлял, присматривался. Вдруг улыбнется удача, откроется какой-то шанс на победу? Но становилось все более очевидно: стоят зря. Обычная логика подсказывала: если москвичи были готовы к нашествию, то позаботились запасти продовольствие, измором их не возьмешь. А вместо обнадеживающих известий – например, о бунте или измене среди осажденных, стали поступать такие, что впору было за голову схватиться! Из допросов пленных, из донесений разведки открывалось, что войска Дмитрия не просто попрятались! Они действуют по собственному четкому плану!

Оказалось, что великий князь заперся в крепости только с частью войск, а его брат Владимир увел сильный корпус, расположился за Пахрой. Прямо в тылу литовцев! К нему стягиваются Можайский, Волоцкий, Дмитровский полки, Белозерцы, Ярославцы, Угличане – целая армия! Мало того, взялись за оружие Олег Рязанский и Владимир Пронский, у них с литовцами имелись свои счеты. Встали неподалеку от Владимира Андреевича, готовые

вмешаться. Подобный расклад Ольгерду ох как не понравился. Он вляпался, как мальчишка! Его окружали, отрезали дороги домой!

Что ж, матерый вояка умел и схитрить. К воротам Кремля подъехала пышная делегация. Затрубили и объявили: великий князь Литовский и Русский предлагает великому князю Московскому заключить «вечный мир». Читали грамоту высокопарно, уверенно. Их воинство обложило Москву, юный Дмитрий ухватится с восторгом. Вот тут-то ему продиктуют условия. Однако молоденький государь больно щелкнул по носу многоопытного врага. С деланным равнодушием ответил, что о «вечном мире» говорить не время. Но он, так и быть, согласен на перемирие до Петрова дня, на полгода. А Ольгерду и впрямь было некуда деваться. Пришлось проглотить. Уходили литовцы скромненько, уже ни о каких грабежах речи не было. Как бы не дать повод нарушить перемирие, унести ноги подобра-поздорову...

КАК КНЯЗЬ ДМИТРИЙ ОСТАНОВИЛ ЛИТВУ

Перемирие распространялось и на Михаила Тверского, но он был страшно разочарован. Поверил, что Ольгерд всемогущий, уже представлял, как Москва будет корчиться в пламени, как его станут возводить на великое княжение... А что в итоге? Всего лишь обещание, что его не тронут до Петрова дня. А потом еще раз бежать? Выпрашивать подмогу при чужом дворе, а москвичи будут разгуливать по его городам? Князь бушевал в бедняшском тверском дворце. Куда ни глянь, все злило и раздражало. Запущенность, неустроенность, голые стены, дырявые крыши. Пустые клетки и амбары, недавно пограбленные ратниками Дмитрия Ивановича. Больше от литовской дружбы он не получил ничегошеньки. Но ведь на Ольгерде свет клином не сошелся! Не захотел в полную силу постоять за родственника, можно было найти других заступников...

Как раз в это время донеслись важные новости из Орды. В 1370 г. Мамай нанес удар на Сарай. Подготовил заговор в городе, двинул свои тумыны. Хана Азиза убили. Второй хан Авдула просто куда-то исчез, будто его и не было. То ли попытался вести себя самостоятельно, то ли Мамаю понадобился союз со сторонниками другого претендента. От Авдулы избавились, чтобы не мешал. На трон посадили Мухаммеда Булака, а Мамай занял при нем свое обычное место – реального властителя. Орда наконец-то объединилась. Узнав об этом, Михаил Тверской испытал новый всплеск надежд. Вот она, возможность выиграть! Мгновенно собрался, покатыл в татарские степи.

В Орде многое выглядело непривычно. Сарай, столько раз переходивший из рук в руки, растерял былую роскошь. Дворцы и мечети стояли ободранные, в большие дома заселились случайные жители. Там, где раньше обитал один вельможа, гнездились по десятку семей. Там и тут из великолепных строений повыламывали камни и кирпичи, в запущенных и вырубленных садах торчали чьи-то хижины, мазанки, кибитки. Только базары раскинулись такие же большие, как раньше. Нетрудно было найти конторы и лавки купеческих семей, сидевших здесь в прежние времена.

Нравы в Орде тоже остались прежними. Чтобы попасть на прием к хану и Мамаю, требовалось начинать с подношений царедворцам, ханшам, царевичам. А уж кто порадовался приезду тверского претендента, так это сарайские ростовщики. Лица переменились, кого-то уже не было на свете, никуда не делись их дети, внуки, племянники. В их пыльных мешках с архивами не пропадало ничего, какие суммы остался должен дед князя Михаил Ярославич, отец Александр. А внуку и дать было нечего с пришедшего в упадок княжества. Но он повел себя столь же азартно, как отец и дед. Это была его последняя ставка! Последняя ставка Великой Твери, чтобы посчитаться с ненавистной Москвой. Михаил без споров признавал долги предков, делал новые. Получит великое княжение – вернет. Если и денег не хватит, не беда. Способы известные: отдаст кредиторам на откуп подати, промыслы, они с лихвой возвратят вложения русскими мехами, изделиями, наберут по деревням белотелых рабынь.

Сожжение Твери москвичами и монголами. Миниатюра из Лицевого летописного свода XVI в.

Визит Михаила пришелся по нраву и самому Мамаю. Уже не только Москва, но и прочие русские князья перестали таскаться к скороспелым ханам. Слишком накладно, а толку никакого. Сегодня хан, а где он завтра? Какие бродячие собаки обглодают его кости? Михаил спешил не напрасно, явился первым после долгого перерыва. Правда, первая ласточка весны не делала. Князь выглядел ненадежно и несерьезно. Но в любом случае поддержать его было полезно. Напомнить остальным, кто хозяин над Русью. Властитель Орды вручил Михаилу вожденный великокняжеский ярлык. Поинтересовался – не дать ли ему войско?

Но от подобной перспективы содрогнулся даже завзятый забияка. Если придут татары, они в первую очередь перетряхнут его собственное княжество. В Твери крепко помнили, как его отцу Александру прислали корпус Щелкана. И чем дело кончилось? Насилия, грабежи, восстание тверичей, а за это страшный погром ордынских карателей. Князь смущенно отказался, заверил, что сам справится. Почему бы не справиться? У него будет ярлык, на его сторону перейдет часть князей. Можно будет договориться с Новгородом, да и литовцы подсобят.

Задолжал Михаил слишком много. Пришлось оставить ростовщикам заложника, сына Ивана. Зато на Русь он поехал великим князем, его сопровождал ордынский посол Сары-ходжа. Прибыли в Тверь, хорошо отпраздновали, и татарский уполномоченный разослал приказ всем князьям – явиться на коронацию во Владимир. Одно из посланий предназначалось для Москвы. То-то веселились, то-то хохотали Михаил и его бояре – воображали, как перекосятся лицо Дмитрия, когда он прочитает! Ай да подкузьмили молокососа!

Но дальше стало не до смеха. Московское правительство отреагировало отнюдь не так, как виделось из Твери. Отреагировало спокойно, но жестко. Из Кремля тоже поскакали гонцы по уделам и городам, развозили приказ: всем «боярам и черным людям» предписывалось целовать крест «не давatisя князю Михаилу Тверскому». По всей Руси люди получали по два противоположных указания, должны были выбрать. Они и выбрали. Выполняли повеление Дмитрия, а на повеление Михаила не отозвался никто. Зазвенело и оружие. Пока – ради предупреждения. Московская рать выступила четко, встала в Переславле и перекрыла тверичам дорогу на Владимир.

А Сары-ходже привезли ответ от Дмитрия Ивановича: «К ярлыку не еду, а в землю на княжение Владимирское не пуцу, а тебе, послу, путь чист». Обиделся татарин? Ни капельки! Потому что Мамай очень грамотно разыгрывал русскую карту. Он был отнюдь не глупым человеком. Правильно оценивал вес Москвы и Твери, ну а поскольку Дмитрий своевольни-

чает, надо было подразнить его, припугнуть. Кроме официальных Сары-ходжа имел тайные инструкции. Фраза «путь чист» вполне годилась вместо приглашения, посол как ни в чем не бывало покинул Тверь и явился к великому князю.

Как водится, его щедро одарили, вкусно угощали. Он кушал, пил, но был себе на уме. Сравнивал, сопоставлял, готовился доложить Мамаю, какова обстановка на Руси, каковы настроения, кто из соперников настоящий правитель, а кто липовый. В кремлевских палатах, в беседах за хмельными чашами татарин подсказывал Дмитрию и его советникам: в Орде особой любви к Михаилу не испытывают. За что его любить, литовского прихлебателя? Дело в непослушании Дмитрия. Надо выразить покорность, только и всего, а он, Сары-ходжа, в стороне не останется, замолвит словечко перед повелителем. Государь, бояре, святитель Алексей посоветались и согласились, посол прав. Приходилось ехать к Мамаю. Уцелеть между двумя жерновами, Ордой и Литвой, шансов почти не было. Не с одними, так с другими требовалось как-то налаживать отношения.

Летом 1371 г. флотилия лодок отчалила от столичной пристани. Дмитрий Иванович плыл по Москве-реке, Оке, Проне. Волоком перебрались в верховья Дона. Гребли мимо тех самых мест, где предстояло князю стяжать бессмертную славу. Почувствовал ли он что-нибудь необычное? Кольнуло ли сердце? Но сейчас ехали не сражаться. Ехали с дарами и почтением к ордынскому царю, к его всеильному темнику. Волновались? Как же без того, и волновались, и усердно молились. Для скольких уже князей путь в Орду стал последним! Не один, не два и не десять приняли там мученические венцы. Однако Сары-ходжа не солгал, в ханской ставке Дмитрия Ивановича приняли чрезвычайно ласково.

Миновали времена Батыя, Берке и Узбека, отдававших князей палачам за куда меньшие прегрешения. Мамаю никак нельзя было отпугивать Русь. Это оказалось бы на руку только Ольгерду да ордынским соперникам. Временщик повел себя деликатно. Москва возвратилась под его руку – вот и прекрасно, именно этого он добивался. Конечно, попенял Дмитрию за долгое нежелание приезжать, но умеренно, без унижений. Даже согласился, чтобы дань платили меньше, чем прежним ханам. Вроде как вошел в положение – Владимирской Руси приходится вести нелегкую войну с литовцами. Пускай меньше, лишь бы платили, не выходили из повиновения, а потом видно будет.

Дмитрий и его бояре не забыли обойти с визитами ханских и Мамаевых жен, царедворцев. Раскошеливались, не скупилась. В Сарае скупиться не полагалось. Но при этом обзаводились полезными связями, старались уяснить, действительно ли воскресла Орда. В общем-то, сами татары сомневались, что воскресла. Все у них было зыбко, непрочно. Великий князь пообщался и с местными русскими, посетил епископа. Еще святой Александр Невский добился от хана Берке разрешения учредить Сарско-Подонскую епархию, окормлявшую православное население в Сарае и по Дону. А одновременно епархия стала постоянным представительством митрополита в Орде, привязала здешнюю паству к Москве. Русские гости не обошли вниманием и тeneвых заправил Сарая, местных толстосумов. Дмитрий Иванович даже взялся выкупить у них тверского княжича Ивана. Сторговались за 10 тыс. гривен. Сумма огромная, но русская кровь стоила дороже. Тверь будет в долгах не у Орды, а у Москвы, у государя будет жить наследник Михаила. Неужели он не одумается, не пойдет на мировую?

Прекращение усобицы требовалось и Мамаю – чтобы литовцы не встречали, не отбирали у него данников. Ярлык великого князя Владимирского он выдал Дмитрию Ивановичу, а Михаилу саркастически отписал: мы тебе давали власть над Русью, давали рать. Ты ее не взял, сказал, что сам сядешь на престол. Вот и сиди на нем с кем хочешь, а от нас больше помощи не жди. Но Михаил смиряться не собирался, закусил удила. У него оставался старый ярлык, и пока Дмитрий путешествовал, он развил бурную деятельность. Обратился к новгородцам – он великий князь, пускай передаются под его руку. Многие «золотые пояса»

сочли такой вариант подходящим. Москва держит их на поводке, а слабая Тверь, пожалуй, сама будет ходить на поводке у новгородцев, зависеть от их денег. Созвали вече, объявили: Михаил – обладатель ханского ярлыка. Постановили подчиниться ему.

Налаживать хозяйство в Тверской земле ему было недосуг. По ней походили туда-сюда и московские, и литовские войска. Но и тверичи испробовали, как выгодно вместе с литовцами грабить москвичей. Михаил призвал всех желающих, сколачивал большую рать. Денег для воинов у него не было, даже коней не хватило.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.